

ИСТОРИЯ БЕЗ ВЫРВАННЫХ СТРАНИЦ

Хлеб всегда в России был особым продуктом. Его воспевали, за него молились, лишали и лишались жизни, за него всегда боролись. Мы, послевоенная босоногая ребятня, тоже хорошо усвоили цену хлеба.

Как сейчас помню, как в конце 40-х – начале 50-х годов в Канске мы в чудовищных очередях добывали свой хлеб насущный, постигали науку ценить его. С вечера занимали очередь в хлебном магазине, по перемене с взрослыми дежурили в этой очереди. К открытию магазина рано утром приходила продавец и очередь после ночного ожидания начинала оживать, проявлять признаки самоорганизации. Кто-то искал за кем он занимал, где-то возникали ссоры, кто-то кого-то искал и т.п. В общем, обычная картина – оживление и подготовка к предстоящему важному действию. Стоящие в голове очереди выказывали знаки почтения и уважения к продавщице, старались помочь ей в мелочах, чтобы она потом их выбрала для разгрузки хлеба. Все готовились к встрече машины с хлебом. Иногда ее не было и к открытию магазина, и к обеду. Тогда становилось ясно, что сегодня хлеба уже не будет, но люди не расходились. Менялись только с родственниками. Кому-то нужно идти на работу. Кому-то на учебу, другим еще куда-то. У всех было дел по горло. Нужно было также занимать очередь и в другие магазины за другими продуктами. Уходили, сохра-

няя за собой очередь, вместо себя подставляя родственников или знакомых, и так до следующего утра.

Когда хлеб наконец-то привозили, то разгрузить его вызывались добро-

вольцы из числа молодых и энергичных мужи-

ков. Продавщица отбирала 3-4 человека, так что в грузчики попасть было не просто и считалось великим везением, так как им, как правило, хлеб отпускался без очереди. Все остальные молча и бдительно наблюдали за разгрузкой. Чтобы не дай Бог, какой кусочек не упал или не ушел бы на сторону.

После того, как разгружавшие были отоварены, начинался процесс продажи остальным. Хлеб отпускался на вес и всем одинаково. Обычно это была 1 буханка с довеском грамм на 50-100. Хлеб был теплым, в холодное время от него шел пар из хлебозавода. Запах хлеба не просто пьянил, а захватывал все существо человека. Казалось, что ничего на свете нет вкуснее хлеба и ничего не жалко, чтобы куснуть эту румяную хрустящую корку.

А очередь жила своей самостоятельной жизнью. Здесь же были и строгие контролеры, следившие, чтобы продавщица ничего не припрятала под прилавком. Да она и сама все прекрасно понимала. Иногда она плакала, глядя в голодные глаза стоявших в очереди людей, когда хлеб кончался, а очереди конца видно не было, так как многие, выходя из магазина с хлебом, тут же занимали снова, чтобы запас-

тись лишней буханкой. Да и семьи у многих были большие. Она жалела тех, кому не хватило хлеба, хотя сама была уже не молода и обременена не малой семьей.

Добровольные контролеры также следили за порядком, чтобы все соблюдало очередь и справедливость. Да и люди, которые стояли в одних и тех же очередях, давным-давно уже знали все друг о друге: кто где живет, у кого какая семья, где кто работает, учится и т.п.

Особенно близкими и чуть ли не родными казались те, за кем ты занимал или кто за тобой занимает. Эти считались чуть ли ни ближними родственниками; ну а те, кто подальше вперед или назад – были как бы дальними родственниками. В очереди всегда узнавали всякие новости, кто куда уехал, у кого кто родился или помер, тут же обсуждались и городские, и краевые новости, слышанные по радио. Тогда были такие тарелки, да и то не у каждого в доме. В общем, все разговоры обычно сводились к бытовым темам; где, что можно достать и т.п.

Одним словом, очередь – это был один какой-то общественный организм, живущий по своим законам. Там были и лидеры, и аутсайдеры, была своя полиция, свой суд, своя система контроля, свое понятие о справедливости. Это были не писанные никем законы, но они неукоснительно соблюдались.

Но вот, наконец-то, подошла и наша очередь. Довольные и счастливые мы спешили с хлебом домой. Ну, а довесок нам полагался по праву. Мы съедали его моментально, чтобы хоть как-то утолить аппетит, вызванный видом

и запахом хлеба. Когда довесок кончался, то наступала очередь уголков булки. Мы помаленьку отщипывали поджаренные корочки и с наслаждением смаковали их.

Да разве сравнятся сегодняшние навороченные торты, заморские рулеты, пирожные и прочая виданная и не виданная снедь со вкусом того послевоенного хлеба, пахнувшего трудом и потом хлебороба. Этот хлеб нес запах слез обездоленных и голодных людей, запах надежды на будущее. Этот хлеб нес запах жизни, дарованной Богом.

Домой мы хлеб приносили конечно, но в довольно общипанном и неприглядном виде. Старшие в семьях конечно ворчали, но особо не ругались за это, ибо они по-своему жалели нас.

За другими заботами проходил день, и вечером мы снова отправлялись занимать очередь на утро, чтобы на другой день, отстояв ее, снова почувствовать себя добытчиком и прошагать обратно путь домой походкой победителя, с наслаждением смакуя законный довесок и поджаренные румяные уголки корочки буханки.

Выстаивали мы очереди не только за хлебом. Мы закалялись в очередях за всем: за сахаром, который продавался большими колотыми кусками, а дома отец тяжелой рукояткой ножа колот их на еще более мелкие кусочки; за конфетами-подушечками; за спичками; за солью, мылом и многим другим, что иногда «выбрасывали» в магазины. Все было в дефиците, все нужно было «доставать» в бесконечных очередях нашего детства.